

никто васъ и не обвинялъ. Вотъ что вы губите насъ, помогая... Краевскому, это намъ больно, но объ этомъ послѣ. Отъѣвъ вашъ о моей статьѣ тронулъ меня глубоко, хотя въ то же время, и посмѣшилъ своею преувеличенностью. Статья моя дѣйствительно не дурна, особенно въ томъ видѣ, какъ написана (а не какъ напечатана), но далеко не такъ хороша, какъ вы ее находите. Не называю васъ за это мальчишкою (изъ всѣхъ моихъ друзей и пріятелей, этимъ именемъ я называю только Тургенева), ни рыцаремъ. Дѣло просто: вы меня любите, а между тѣмъ, сочли за человѣка который заживо умеръ и отъ котораго больше нечего было ожидать. И такое мнѣніе съ вашей стороны не было ни справедливо, ни опометчиво: оно основывалось на фактахъ моей прошлогодней дѣятельности для „Современника“. Дѣло прошлое: а я и самъ вѣхалъ за границу съ тяжелымъ и грустнымъ убѣжденіемъ, что поприще мое кончилось, что я сдѣлалъ все, что дано было мнѣ сдѣлать, что я измочалился, выписался, выболтался и сталъ похожъ на выжатый и вымоченный въ чаю лимонъ. Каково мнѣ было такъ думать, можете посудить сами; тутъ дѣло шло не объ одномъ самолюбіи, но и о голодной смерти съ семействомъ. И надежда возвратилась мнѣ съ этой статьей. Не удивительно, что она всѣмъ вамъ показалась лучше, чѣмъ есть, особенно вамъ, по молодости и темпераменту болѣе другихъ наклонному къ увлеченію. Спасибо вамъ. Ваше сравненіе моей статьи съ Пушкина и Лермонтова послѣдними сочиненіями и еще съ послѣдними распоряженіями кого-то, чье имя я не разобралъ въ вашихъ гіероглифахъ,—это сравненіе дышитъ увлеченіемъ и вызываетъ улыбку на уста. Такъ! Но есть преувеличенія, лжи и ошибки, которыя иногда дороже намъ вѣрныхъ и строгихъ опредѣленій разума; это тѣ, которыя исходятъ изъ любви: видишь ихъ несостоятельность, а чувствуешь себя человѣчески тепло и хорошо. Еще разъ спасибо вамъ, милый мой Кавелинъ. Кстати о статьѣ. Я уже писалъ къ Боткину, что она искажена цензурою варварски и—что всего обиднѣе—совершенно произвольно. Вотъ вамъ два примѣра. Я говорю о себѣ, что, опираясь на инстинктъ истины, имѣлъ на общественное мнѣніе болѣе вліянія, чѣмъ многие изъ моихъ *дѣйствительно* ученыхъ противниковъ: подчеркнутыя слова не пропущены, а для нихъ-то и вся фраза составлена. Я мѣтилъ на ученыхъ ословъ—Надеждина и Шевырева. Самаринъ говоритъ, что согласіе князя съ вѣчемъ было идеаломъ новгородскаго правленія. Я возразилъ ему на это, что и теперь, въ конституціонныхъ государствахъ, согласіе короля съ палатою есть осуществленіе идеала ихъ государственнаго устройства: гдѣ же особенность новгородскаго правленія? Это вычеркнуто. Цѣлое мѣсто. о Мицкевичѣ и о томъ, что Европа и не думаетъ о славянофилахъ, тоже вычеркнуто. Отъ этихъ поमारокъ статья лишилась своей ровноты и внутренней диалектической полноты. Ну, да чортъ съ ней! Мнѣ объ этомъ и вспоминать—ножъ острый! Скажу ксати, что и вамъ угрожаетъ такая же участь. Въ засѣданіи географическаго общества Панаевъ столкнулся съ маленькимъ, черненькимъ... Поповымъ: „Я читалъ отвѣтъ Самарину“. „Что жъ мудренаго, когда онъ напечаталъ“.—„Нѣтъ, вторую статью Кавелина“.—„Какъ же это“.—„Мнѣ показывалъ Срезневскій (цензоръ), и я уговорилъ его кое-что смягчить.“.—„Видите ли, сколько у насъ цензоровъ и какіе... славянофилы“.

Насчетъ вашего несогласія со мною касательно Гоголя и натуральной школы я вполне съ вами согласенъ, да и прежде думалъ такимъ же образомъ. Вы, юный другъ мой, не поняли моей статьи, потому что не сообразили, для *кого* и для *чего* она писана. Дѣло въ томъ, что писана она не для васъ, а для враговъ Гоголя и натуральной школы, въ защиту отъ фискальскихъ обвиненій. Поэтому, я счелъ за нужное сдѣлать уступки, на которыя внутренно и не думалъ соглашаться, и кое-что изложилъ въ такомъ видѣ, какой мало имѣетъ общаго съ моими убѣжденіями касательно этого предмета. Напримѣръ, все, что вы говорите о различіи натуральной школы отъ Гоголя, по-моему совершенно справедливо; но сказать это печатно я не рѣшусь: это значило бы наводить волковъ на овчарку, вмѣсто того чтобы отводить ихъ отъ нечя. А они и такъ напали на слѣдъ, и только ждутъ, чтобы мы проговорились. Вы, юный другъ мой, хороший ученый, но плохой политикъ, какъ слѣдуетъ быть истому москвичу. Повѣрьте, что, въ моихъ глазахъ, г. Самаринъ не лучше г. Булгарина, по его отношенію къ натуральной школѣ, а съ этими господами надобно быть осторожному.

Вы обвиняете меня въ славянофильствѣ. Это не совсѣмъ неосновательно: но только и въ этомъ отношеніи я съ вами едва ли расхожусь. Какъ и вы, я люблю русскаго человѣка и вѣрю великой будущности Россіи; но, какъ и вы, я ничего не строю на основаніи этой любви и этой вѣры, не употребляя ихъ какъ неопровержимыя доказательствъ. Вы же пустили въ ходъ идею развитія личнаго начала, какъ содержаніе исторіи русскаго народа. Намъ съ вами жить не долго, а Россіи—вѣка, можетъ быть, тысячелѣтія. Намъ хочется поскорѣе, а ей торопиться нечего. Личность у насъ еще только наклеивается, и оттого гоголевскіе типы—пока самые вѣрные русскіе типы. Это понятно и просто, какъ $2 \times 2 = 4$. Но какъ бы мы ни были нетерпѣливы и какъ бы ни казалось намъ все медленно идущимъ, а, вѣдь, оно идетъ страшно быстро. Екатерининская эпоха представляется намъ уже въ миѣческой перспективѣ, не стариною, а почти древностью. Помните ли вы то время, когда я, не зная исторіи, посвящая васъ въ тайны этой науки? Сравните-ка то, о чемъ мы тогда съ вами толковали, съ тѣмъ, о чемъ мы теперь толкуемъ, и придется воскликнуть: „свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ!“ Терпѣть не могу я восторженныхъ патріотовъ, выгѣзжающихъ вѣчно на междометіяхъ или на квасу да на кашѣ; ожесточенные скептики для меня въ 1,000 разъ лучше, ибо ненависть иногда бываетъ только особенною формою любви; но, признаюсь, жалки и неприятны мнѣ спокойные скептики, абстрактные человѣки, безпачпортные бродяги въ человечествѣ. Какъ бы ни увѣряли они себя, что живутъ интересами той или другой, по ихъ мнѣнію, представляющей человечество, страны,—не вѣрю я ихъ интересамъ. Любовь часто ошибается, видя въ любимомъ предметѣ то, чего въ немъ нѣтъ,—правда; но иногда только любовь же и открываетъ то прекрасное или великое, которое недоступно наблюденію и уму. Петръ Великій имѣлъ бы больше, чѣмъ кто-нибудь, правъ презирать Россію, но онъ—

Не презиралъ страны родной:
Онъ зналъ ея предназначенье.

На этомъ и основывалась возможность успѣха его реформы. Для меня Петръ—моя фило-